

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференция «Природа эвиденциальности» («The nature of evidentiality») и круглый стол «Документирование эвиденциальности» («Documenting evidentiality»). Лейден, 2012

С 13 по 16 июня 2012 г. Лейден можно было по праву считать мировой столицей эвиденциальности. В эти дни в Университете Лейдена проходила конференция «Природа эвиденциальности» («The nature of evidentiality»), перед которой состоялся круглый стол «Документирование эвиденциальности» («Documenting evidentiality»). По количеству представленных докладов (более двадцати докладов, пять лекций и три постера на конференции, шесть докладов на круглом столе), разнообразию тем и широте географии участников этот научный форум значительно превосходил все предыдущие конференции по эвиденциальности, включая самую первую, состоявшуюся в Беркли в 1981 г. [Chafe, Nichols 1986]. Нам уже приходилось говорить, что в последние три десятилетия мы наблюдаем значительное усиление интереса к этой грамматической категории, выражающей указание на источник информации [Макаревич 2009]: это выражается и в экспоненциальном росте публикаций по эвиденциальности, и в увеличении количества языков, в которых находят грамматические показатели эвиденциальности (до четверти от всего количества известных языков, по подсчетам А. Айхенвальд [Aikhenvald 2004: xii]), и в расширении спектра «эвиденциальных тем» (см., например, исключительно активизировавшиеся в последние пять лет исследования неграмматических средств выражения эвиденциальности, которые позволяют обнаружить эту категорию, пусть и на семантическом уровне, в языках «среднесвропейского стандарта» [Wiemer, Plungjan 2008; Wiemer, Stathi 2010] и др.).

Круглый стол накануне конференции был открыт докладом Т. Петерсона (США) «Документирование эвиденциальности: современное состояние вопроса», в котором в сжатом виде была представлена история исследования эвиденциальности. Для настоящего

этапа Т. Петерсон совершенно верно указывает на совершающийся переход от поиска концептуальной рамки эвиденциальности и определения ее основных семантических признаков к систематическому рассмотрению эвиденциального маркирования на разных языковых уровнях (семантика, синтаксис и прагматика использования эвиденциальности; эвиденциальность и дискурс). Исключительно ценным был опыт выделения «набора диагностических тестов для фиксации эвиденциальных значений» (*a /basic/ toolkit for documenting evidential meanings*): исходить было предложено из опробованных в лингвистике синтаксических и семантических тестов, и была представлена их классификация с примерами. В то же время Т. Петерсон справедливо указал, что такие тесты проверяют скорее статическое значение эвиденциалов, а реальная картина их использования в языке ускользает от взглядов исследователей. Заметим, что это, бесспорно, шаг вперед по отношению к ситуации, частой в недавнем прошлом, когда значение эвиденциалов выводилось не из тестовых контекстов, а из случаев употребления в некотором корпусе текстов (например, в художественной литературе). Здесь ни в коем случае не идет речь о преимуществе одного метода перед другим: всегда важно представлять себе, какой результат может дать тот или иной вид анализа, и исследования на основе корпуса текстов помогли заложить фундамент для создания набора тестов и определения ядерных значений эвиденциальности и ее концептуальных рамок; но теперь настает время двигаться дальше. А дальше перед нами открывается широкая перспектива, и исходить предлагается из функционирования эвиденциальности в дискурсе, нарративах и «естественных диалогах» [*natural conversation* – более подробно о перспективах этого направления говорил на круглом столе Д. Хинтц (Великобритания)], определения влияния на функционирование эвиденциаль-

ности социокультурных факторов, ее «шифтерной» (по Якобсону) природы. Как несложно заметить, эти направления уже достаточно давно были представлены в исследованиях (в частности, в том же сборнике [Chafe, Nichols 1986]). Нам представляется, что в ближайшем будущем мы увидим скорее количественные, чем качественные изменения в спектре эвиденциальных тем.

Остальные выступления круглого стола были посвящены более частным проблемам описания эвиденциальности в отдельных языках и генетически связанных группах языков. Отметим только доклад Р. Дэшен (Канада) «Что устные нарративы могут рассказать нам об эвиденциальности», в котором сравнивались записи разговорной речи носителей английского (по [Chafe 1986]) и носителей равнинного кри (алгонкинские языки). Как кажется, наиболее важным результатом сопоставления было то, что функционирование эвиденциальности может сильно варьировать от носителя к носителю, поскольку некоторые из них используют эвиденциалы для маркирования ключевых точек пространства текста; в частности, различия в стратегиях, используемых разными носителями, могут иногда быть сильнее, чем между английским и равнинным кри в целом. Синтаксический анализ выявляет в «избыточном использовании репортатива» (*reportative concord*) достаточно четкую тенденцию: показатели репортатива отмечают конец составляющих в сложном предложении. Представляется, что это – проявление тенденции, известной на материале балканских текстов, когда эвиденциальность маркирует ключевые места текста (начало, конец, границы между эпизодами – об этом см. нашу работу [Makartsev 2010]).

Структуру конференции задавали пять лекций, которые открывали утренние и вечерние заседания. В лекции П. Спис (США) «Эвиденциальные ситуации» была сделана попытка рассмотреть эвиденциалы как операторы отношений. По словам П. Спис, это связывает эвиденциальность с такими категориями, как время и вид, а различия между ними состоят в том, что если время и вид указывают на временные отношения, то эвиденциальность указывает на отношение между ситуациями (эвиденциальной ситуацией *ES*, дискурсной ситуацией *DS*, информационной ситуацией *IS*). Это дает возможность классифицировать разные виды отношений между ситуациями: прямая эвиденциальность: $IS \subset ES$, $IS \subset DS$; ситуации, связанные с личным опытом говорящего (*Ego*): $IS \subset ES$, $IS \subset DS$; косвенная эвиденциальность: $IS \not\subset ES$, $IS \subset DS$; репортатив: $IS \not\subset ES$, $IS \not\subset DS$ и так далее. Эта классификация может включать заведомо больше пунктов, чем выделяется

семантических параметров эвиденциальности. Существенно, что разные виды отношений между ситуациями могут разным образом воплощаться в языках, в частности, как показывает проведенный П. Спис анализ, в тибетском маркер *'dug* указывает на включение эвиденциальной ситуации в информационную ситуацию, а *shag* – на включение информационной ситуации в эвиденциальную. Это подводит ее к следующему выводу. Значения «косвенной эвиденциальности», «инференциальности», «визуальности» и т.д. на самом деле не являются определяющими в семантике форм, которые мы обычно называем эвиденциалами: разные отношения между свидетелем, говорящим, основанием для логического вывода (*inference*) и другими участниками эвиденциальной ситуации зависят от отношения между эвиденциальной и информационной ситуациями.

Дэнниел Хинтц (Великобритания) посвятил свою лекцию категории «общего знания», которую он рассматривает как «знание, совместно создаваемое в процессе языкового взаимодействия». Это явление неразрывно связано с дискурсом и кодируется через противопоставление маркеров, указывающих на новую для говорящего информацию, получаемую в процессе общения, и маркеров, указывающих на осуществившийся факт введения этой информации в круг общих знаний собеседников. Д. Хинтц приводит примеры из кечуа и корейского языков, перечисляя и другие языки, в которых, по всей видимости, можно выделить эту категорию. При всей нетривиальности этой категории у нас вызывает сомнения, следует ли ее рассматривать как вид эвиденциальности. По крайней мере, из слов автора следует, что основное значение этой информации связано не столько со способом получения информации, сколько с делением информации по (не) принадлежности обоим участникам коммуникации (*shared knowledge/non-shared knowledge*), то есть мы имеем дело скорее с дискурсивной прагматической категорией, чем с эвиденциальностью в строгом смысле этого слова, у которой все-таки есть вполне определенные рамки. Было бы интересно проинтерпретировать категорию «общего знания» через толкование эвиденциальности как реляционной категории, предложенное П. Спис; возможно, такой подход позволил бы ввести «общее знание» в рамки эвиденциальности. Д. Хинтц предлагает опыт интерпретации отношения «общего знания» к эпистемической модальности и указывает, что, поскольку оба эти понятия конвенциональны, их связь на самом деле зависит от того, как мы их толкуем: так, если принять определение эпистемической модальности, данное Й. ван дер Ауверой и В.А. Плунгяном

[van der Auwera, Plungian 1998], то «общее знание» входит в ЭМ; если же обратиться к толкованию Я. Нейтса [Nuyts 2001], то это две непересекающиеся категории. «Общему знанию» был также посвящен доклад Дайаны Хинтц (Великобритания) – на материале языка кечуа (диалекты провинции Сихуас в центральном Перу) и Х. Бергквиста (Швеция) – на материале языка коги (колумбийские чибчанские языки).

М. Шеннер (Германия) в своей лекции «Структуры для интерпретации эвиденциальности» рассмотрел эвиденциальность с точки зрения формальной семантики и остановился на двух видах структур: (1) «эвиденциальное условие» (*evidential condition*), т.е. модель эвиденциальности как реляционной структуры; (2) моделирование функционирования эвиденциальности в контексте. М. Шеннер применил эти структуры для анализа эвиденциалов в подчиненных предложениях (*embedded evidentials*).

Ф. де Хаан (США) предложил опыт решения проблемы разграничения примеров с модальными и эвиденциальными значениями в корпусах голландского и английского языков, основанный на статистическом анализе всех возможных формально разграниченных конструкций.

Р. Дешэн (Канада) в лекции на конференции обращалась к некоторым темам, уже затронутым ею в докладе на круглом столе, но в основном сосредоточилась на гетерогенности эвиденциалов на уровне морфологии, синтаксиса и семантики, прежде всего на связи субъекта референции (*origo*, «разумный индивидуум, с чьей позиции оценивается пропозиция») и пропозиции. Она указала, что предложения с эвиденциалами следует выделить в отдельный тип, наравне с повествовательными, вопросительными и императивными, поскольку они обладают собственной «конвенциональной силой» (*conventional force*): предложения с эвиденциалами имеют «представительную силу» (*presentative force*), повествовательные предложения – асертивную, вопросительные – силу вопроса (*asking force*), императивные – силу требования (*requiring force*), т.е. эвиденциалы отличаются от, например, повествовательных предложений тем, что часть предложения, находящаяся в сфере действия эвиденциала, не имеет условий истинности (*truth conditions*). Кроме того, было предложено дополнение к «диагностическому набору» для описания эвиденциальности с указанием, что можно проверить теми или иными тестами.

Помимо перечисленных пяти лекций, на конференции было представлено 23 доклада. Е.В. Падучева (Москва) проанализировала

некоторые русские эвиденциальные маркеры (я вижу, явно, оказалось / оказывается, кажется) и указала на грамматическую конструкцию, которую можно связать с эвиденциальностью: она рассмотрела предложения *Бутылки не было в холодильнике* и *Бутылка не была в холодильнике*. Первое из этих предложений указывает на то, что говорящий открыл холодильник и лично убедился, что там нет бутылки (прямая эвиденциальность), а второе – что говорящий увидел бутылку где-то в другом месте, скажем, на столе, и пришел к выводу, что бутылка не в холодильнике (автор использует термин *inferentiality* ‘инференциальность’). Это подводит Е.В. Падучеву к проблеме наблюдателя (*observer*): конструкции, в которых подразумевается наблюдатель (такие как *На дороге показался всадник*, ср. **На дороге показался я*), следует рассматривать как эвиденциальные. Такой анализ включает эвиденциалы в группу эгоцентрических показателей (*egocentrals*, в другой терминологии *indexicals*).

К. Хенгевельд (Нидерланды) и М.М. Далл’Аглиу Аттнер (Бразилия) предложили новаторский взгляд на внутреннюю структуру категории эвиденциальности. На материале 64 языков Бразилии они рассмотрели четыре эвиденциальных: репортативность, вывод (*deduction*), инференциальность (*inference*), восприятие события при помощи чувственного восприятия (*event perception*), и пришли к следующему выводу: все перечисленные субкатегории на самом деле действуют на разных уровнях грамматической структуры, репортативность – на межперсональном уровне (*interpersonal level*), а остальные три категории – на разных сегментах уровня репрезентации (*representational level*). Это позволяет объяснить, во-первых, почему разные субкатегории эвиденциальности встречаются в языках с разной частотой, а во-вторых, почему они могут использоваться совместно.

М. Фаллер (Великобритания) вернулась к проблеме связи эпистемической модальности и эвиденциальности. В качестве диагностического теста было выбрано так называемое «модальное подчинение» (*modal subordination*) (ср. *A thief_i might break into the house. #He_i will take the silver* ‘Вор мог бы пробраться в дом. Он возьмет серебро’ vs. *A thief_i might break into the house. He_i would take the silver* ‘Вор мог бы пробраться в дом. Он мог бы взять серебро’). Если эвиденциальность является подвидом эпистемической модальности, то следует ожидать, что эвиденциалы будут управлять «модальным подчинением», требуя в своей сфере действия использования эпистемических конструкций. По мнению автора, немецкий материал подтверждает эту гипотезу: *Diebe_i sollen im*

Museum eingebrochen haben 'Как говорят, воры пробрались в музей'. *Sie_i könnten das Silber mitgenommen haben* 'Кажется, они взяли серебро'. *✓ Sie_i haben wohl das Silber mitgenommen* 'Я думаю, что они взяли серебро'. *✓ Sie_i sollen das Silber mitgenommen haben* 'Как говорят, они взяли серебро'. *#Sie_i haben das Silber mitgenommen* 'Они забрали серебро'. Впрочем, автор добавляет, что это не универсальная особенность, например, в японском маркер репоратива не участвует в модальном подчинении и поэтому скорее всего не имеет модального характера. Следовательно, это едва ли можно считать доказательством модального характера эвиденциальности как языковой категории без отношения к конкретному языку. Мы же отметим, что в русском языке, на наш взгляд, вполне возможны предложения *Как говорят, воры пробрались в музей. Они-то и взяли серебро*, т. е. при вынесении подлежащего в топик необходимость в модальном подчинении пропадает. Поэтому нельзя считать результаты таких тестов решающими для определения семантики эвиденциалов, пока мы не будем до конца уверены, что именно проверяют эти тесты.

Остальные доклады, представленные на конференции, также были интересны, но из соображений места мы ограничимся перечислением докладчиков с указанием ключевых положений их докладов¹.

М. Гонзалес, П. Росеано, Х. Боррас-Комес и П. Прието (Испания) рассмотрели дополнительные средства эвиденциального маркирования в каталанском языке, в частности, при помощи вспомогательных жестов. Кроме того, сопоставлялись устные и письменные пересказы текстов: в устном пересказе более часто встречаются эпистемические показатели, а в письменном – показатели не прямой эвиденциальности. Л. Ялава и Э. Сандманн (Финляндия) рассмотрели эвиденциальность в одном ряду с показателями эпистемичности и эгофорики на материале ненецкого и вутун (синотибетские языки). Л. Сан-Рок, С. Флорид и Э. Норклиф (Германия) проанализировали эвиденциальное маркирование в вопросах и ее связь с эгофорики на материале двух барбакоанских языков, кечуа (Эквадор) и дуна (папуасские языки). А. Тамм (Венгрия) представила новые данные о связи эвиденциальности с генериками в эстонском языке. Н. Короткова (США) обратилась к грузинскому перфекту и его связи с эвиденциально-

стью. К. Боланьос (Германия) рассмотрела эвиденциальность в языке какуа (какуа-нуакские языки, северо-западная Амазония), придя к выводу, что в этом языке эвиденциальность возникла в результате языкового контакта с соседними языками. А. Яннакиду (США) и А. Мари (Франция) проанализировали показатели будущего времени в итальянском и греческом как эвиденциальные и эпистемические показатели и предложили описание условий выбора той или иной семантики. По их мнению, в греческом и итальянском показатели будущего времени имеют «снятую утвердительность» (*non-veridicality*), т. е. проверка значения истинности для этих конструкций не проводится. А. Цангалидис (Греция) посвятил свой доклад более подробному анализу греческих эвиденциальных маркеров, лексических (*λέει, παρακαλώ*) и «находящихся в процессе возникновения» (*emerging*) *va* и *tha*, происходящих из показателей конъюнктива и будущего времени. Г. Альбоу и В. Хилл (США) обратились к «подниманию к объекту» (*raising to object*) в румынском языке, которое, по всей видимости, связано с возникновением у предложения добавочного значения не прямой эвиденциальности. М. Лэу и Й. Рурик (США) говорили о классе так называемых SVØ-парентетиков (ср. Ø в предложении *It's lunchtime, I think Ø* 'Время обедать, я думаю', Ø = *it's lunchtime*). Р. Этхепаре (Франция) и Л. Зубельдия (США) представили доклады по эвиденциальности в баскском. М. Ан и Фунг Ха Яп (Корея и Гонконг) предложили диахронический очерк развития корейских эвиденциальных маркеров (*тако, тамъе, тамъенсе* и *танта*). Относительная новизна этих маркеров (они возникли на протяжении последних двух веков) позволяет точно описать их в диахронии. Л. Коринг (Нидерланды) сравнила семантику и функционирование голландских глаголов *schijnen* и *lijken* 'казаться', чтобы объяснить их разное время возникновения в филогенезе детской речи. Б. Цайслер (Германия) анализировала маркеры языка ладахи (западнотибетские), иногда называемые эвиденциальными. Хотя они и могут быть связаны с некоторыми семантическими параметрами эвиденциальности, о строгих соответствиях говорить нельзя. В значении эвиденциалов в ладахи важную роль играет выделение непосредственного восприятия по отношению к другой информации, а также противопоставление «гарантируемой» (*warranted*) и «негарантируемой» информации. К. Стенцель (Бразилия) говорила о не-визуальной сенсорной эвиденциальности в языке котириа/ванано (западные туканские языки), специальный маркер которой возник, по всей видимости, не так давно на основе конструкции со

¹ Мы будем следовать порядку, в котором доклады были представлены на конференции, но в случае необходимости будем отходить от него, чтобы подчеркнуть связь между некоторыми из докладов.

значением 'производить шум'. Т. Петерсон (США) обратился к проблеме использования показателей косвенной эвиденциальности для маркирования (ад)миративности. К. Клозе (Германия) сделал опыт описания системы показателей в аймара (языки аймара, Боливия), которые традиционно связывались с эвиденциальностью, в то же время, по мнению докладчика, три обычно выделяемых в аймара в качестве эвиденциальных маркера более целесообразно описывать как фокальный маркер декларативного наклонения, полнозначный глагол со значением 'говорить' и набор флексий с эпистемическим значением.

На конференции также было представлено три стендовых доклада. А. Бугаева (Япония) представила описание эвиденциальной системы айнского языка, особенность которой состоит в том, что эвиденциальные показатели восходят к существительным и имеют разную степень грамматикализованности. Д. Форкер (Германия) рассматривала эвиденциальную систему гинухского языка (нахско-дагестанские) *sub specie* маркированности. Полезным, на наш взгляд, является опыт привязывания правил употребления эвиденциалов к жанру текста. В частности, из анализа Д. Форкер следует, что формы на -s на самом деле выражают не прямую эвиденциальность, как это утверждалось в некоторых других исследованиях гинухского языка, а являются немаркированными и могут выражать прямую эвиденциальность только в контекстах, где возможен выбор между -s и -n формами. Ф. Да Милано (Италия) обратилась к дейктической природе эвиденциалов, в частности, к их происхождению от дейктических показателей в некоторых языках, к интегрированности показателей эвиденциальности в

систему демонстративов и к проблеме эвиденциального маркирования первого лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Макарцев 2009 – *М.М. Макарцев*. Категория эвиденциальности в балканских языках: современный взгляд на проблему // *Славяноведение*. 2009. № 2.
- Aikhenvald 2004 – *A. Aikhenvald*. *Evidentiality*. Oxford, 2004.
- van der Auwera, Plungian 1998 – *J. van der Auwera, V. Plungian*. On modality's semantic map. *Linguistic typology*. 1998. V. 2.
- Chafe 1986 – *W. Chafe*. *Evidentiality in English conversation and academic writing* // *W. Chafe, J. Nichols (eds.)*. *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood, 1986.
- Chafe, Nichols 1986 – *W. Chafe, J. Nichols (eds.)*. *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood, 1986.
- Makartsev 2010 – *M. Makartsev*. The elusive evidentials in translation: An analysis of one folklore text // *Balkanistica*. 2010. № 23.
- Nuyts 2001 – *J. Nuyts*. Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions // *Journal of pragmatics*. 2001. V. 33.
- Wiemer, Plungian 2008 – *B. Wiemer, V.A. Plungian (Hrsg.)*. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen*. München; Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sdb. 72.)
- Wiemer, Stathi 2010 – *B. Wiemer, K. Stathi (eds.)*. *Database on evidentiality markers in European languages*. Berlin, 2010. (Language typology and universals 63.4, 2010.)

М.М. Макарцев

Сведения об авторе:

Максим Максимович Макарцев
Институт славяноведения РАН
makarcev@bk.ru